

Б. Н. Чичерин

**История политических
учений**

Часть 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Б11

Б11 **Б. Н. Чичерин**
История политических учений: Часть 1 / Б. Н. Чичерин – М.: Книга по Требо-
ванию, 2021. – 474 с.

ISBN 978-5-518-10952-0

ISBN 978-5-518-10952-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Печатаю начало курса, который я в течение шести летъ читалъ въ Московскомъ Университетѣ, я посвящаю его всѣмъ, кто въ университетѣ былъ мнѣ дорогъ. Много въ продолженіе этого времени приходилось испытать и отраднато и тяжелаго; но изъ всего этого, какъ драгоценный кладъ, я вынесъ воспоминаніе о лучшихъ, свѣтлыхъ сторонахъ университетской жизни. Прошло около года съ тѣхъ поръ, какъ я оставилъ кафедру; въ деревенской тиши успокоилось чувство, возмущенное человѣческой неправдою, и нынѣ я могу хладнокровнѣе смотрѣть на прошедшее. Лично для себя я не стѣбую на то, что совершилось. Принужденный покинуть мѣсто, на которомъ оставаться не позволяла мнѣ честь, я сохранилъ возможность работать для тѣхъ, для кого работалъ и прежде. У меня болѣе досуга для любимыхъ занятій; возвратилась и свобода, всегда драгоценная человѣку. Но я не могу не обратиться съ печалью и сомнѣніемъ къ тому учрежденію, которое я, какъ святыню, носилъ въ своей душѣ. Не могу не обратиться съ грустнымъ словомъ и къ вамъ, мои бывшіе товарищи, разлученные нынѣ, какъ живой примѣръ того, что искреннее, безкорыстное стремленіе къ правдѣ не всегда бываетъ залогомъ успѣха. Мы нѣкогда, дѣйствуя вмѣстѣ, пытались стать на твердую почву закона; но оказалось, увы! что это былъ нуть самый скользкій. Мы думали, что правое дѣло само собой найдетъ себѣ заступниковъ, и не обрѣли ни единого. Мы вмѣстѣ съ вами встрѣтились лицомъ къ лицу съ такими явленіями, которыя оставляютъ въ жизни неизгладимые слѣды, и которыя могли бы заставить насъ усомниться и въ людяхъ и въ обществѣ, если бы дружеская рука, поданная во имя добра, не под-

крѣпяла нашихъ силъ, если бы благодарное слово, идущее отъ молодого сердца, не возбуждало въ насъ лучшія надежды. Мы видѣли униженіе правды и закона; мы видѣли клевету, расточаемую на всѣ стороны, безстыдное искаженіе истины въ журналахъ, преданныхъ нечистому дѣлу; мы видѣли и ту нравственную низость, которая, роясь въ чужой душѣ, старается загрязнить внутреннія, невѣдомыя ей побужденія чловѣка. Но если бы намъ опять пришлось идти тою же дорогой, мы сызнова должны были бы сдѣлать то, что мы сдѣлали. Какъ честные люди, мы не могли поступить иначе. Когда передъ нами совершался цѣлый рядъ беззаконій, позволено ли намъ было молчать? Это было невозможно. Гдѣ есть беззаконіе, тамъ долженъ быть и протестъ. Онъ можетъ быть практически бесполезенъ, но онъ всегда нравственно необходимъ. Это не только право, это прямая обязанность каждаго гражданина, каждаго члена коллегіи, обязанность, отъ исполненія которой зависитъ прочное утвержденіе законнаго порядка въ русскомъ обществѣ. Протестуя во имя права и законной свободы голоса, мы возбудили противъ себя злобу и подвергли себя осужденію. Но есть одно, чего никто у насъ отнять не можетъ; это — сознаніе исполненнаго долга, передъ закономъ и передъ совѣстью. Не успѣхъ, а увѣренность въ правотѣ своихъ цѣлей и въ чистотѣ своихъ побужденій даетъ нравственную силу чловѣку. Нося въ себѣ это сознаніе, онъ можетъ смѣло глядѣть въ лице неправдъ сильныхъ и отвѣчать презрѣніемъ на беззастѣливую клевету.

Этотую книгою посылаю я и вамъ мой задушевный привѣтъ, мои бывшіе слушатели, которыхъ трогательное прощаніе всегда останется во мнѣ живымъ воспоминаніемъ сердца. И наши отношенія клеветы старалась заподозрить: пускали молву о тайной и явной агитаціи. Но здѣсь всякій изъ васъ, всякій изъ сотенъ молодыхъ людей, не привыкшихъ лицемерить, можетъ явиться неподкупнымъ свидѣтелемъ правды. Всякій изъ васъ можетъ сказать, что единственное, что соединяло профессора съ студентами, было чистое и безкорыстное служеніе наукѣ. Эта связь осталась и теперь, когда профессора нѣтъ уже въ университетѣ. Издавая курсъ, встрѣченный вашимъ сочувствіемъ, я спѣшу исполнить обѣщаніе, данное вамъ при разставаніи: я хочу

содѣйствовать по мѣрѣ силъ, если не словомъ, то перомъ, занятіямъ университетской молодежи. Ей прежде всего я посвящаю эту книгу, которая составляетъ, могу сказать, плодъ двадцатилѣтней работы. Изложенные здѣсь взгляды зародились во мнѣ почти съ самаго начала моихъ научныхъ занятій и сопутствовали всѣмъ моимъ прежнимъ трудамъ. Многое, безъ сомнѣнія, измѣнялось съ теченіемъ времени, при большей зрѣлости мысли, при болѣе основательномъ знакомствѣ съ предметомъ. Не вдругъ можно было, опираясь на фактическія изслѣдованія, установить тѣ основныя категоріи, которыя служатъ общему связью системы. Изучая науку, я постепенно приобрѣталъ и большее уваженіе къ явленіямъ прошедшаго; я научился видѣть въ нихъ не переходящіе моменты развитія, а выраженіе вѣчныхъ истинъ, присущихъ человѣческому разуму. Но основная нить мысли, которая мною руководила, осталась та же, что и прежде. Нелѣзю себя надеждою, что я разрѣшилъ ту задачу, которую я себѣ поставилъ. Она слишкомъ обширна для одного изслѣдователя и требуетъ работы многихъ поколѣній. Я старался свести къ нѣкоторымъ общимъ, простымъ и яснымъ началамъ совокупность явленій человѣческой исторіи, философіи и права, и на этомъ основаніи вывести общій законъ развитія человѣчества. Насколько я успѣлъ подвинуть эту задачу, пусть судятъ другіе. Я могу только предлагать тѣ результаты, къ которымъ привело меня многолѣтнее и добросовѣстное изученіе науки.

Село Карауль.
12 ноября 1868.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	<i>Стр.</i>
Введение	1
Древность	17
Первый периодъ: Древнѣйшіе греческіе философы	19
Второй периодъ: 1) Софисты	27
2) Сократъ и его школа	32
Третій периодъ: 1) Платонъ	43
2) Аристотель	56
3) Стоики и Эпикурейцы	75
4) Полибій	85
5) Цицеронъ	88
Средне вѣка	97
Первый периодъ: Патристика	99
1) Златоустъ и Амвросій	103
2) Августинъ	115
3) Раздѣленіе церквей	125
Второй периодъ: Борьба свѣтской власти съ духовною.	
1) Теорія двухъ мечей	146
2) Теорія нравственнаго закона	165
3) Тома Аквинскій и его школа	173
4) Петръ Дюбуа и Іоаннъ Парижскій	218
5) Данте	234
6) Марсиль Падуанскій	241
7) Оккамъ	254
8) Сопъ въ Саду	278
9) Іоаннъ Жерсонъ	283
10) Пій II-й и Григорій Геймбургскій	294

	<i>Стр.</i>
Третій періодъ: Возрожденіе и Реформація	306
1) Томасъ Моръ и Макиавелли	309
2) Реформаторы и Католики	330
А. Лютеране	343
Б. Кальвинисты	375
В. Іезуиты	395
Г. Кампанелла	435
3) Боденъ	445

ВВЕДЕНІЕ.

Древніе называли исторію наставницею жизни. Съ меньшимъ основаніемъ можно назвать ее наставницею мысли. Исторія есть опытъ человѣческаго рода, черезъ который мысль приходитъ къ самопознанію. Какъ природа физическаго организма познается изъ фізіологическаго его развитія, такъ разумныя силы, составляющія естество человѣка, познаются изъ историческаго ихъ проявленія. Въ исторіи мысли раскрывается ея существо и лежащія въ ней законы; исторія служитъ ей и повѣркою собственной ея дѣятельности. Въ отличіе отъ физическаго организма, вѣчно прикованнаго къ однимъ и тѣмъ же формамъ, мысль способна отрѣшиться отъ историческихъ началъ. Мы видимъ, что иногда, отрицая свое прошедшее и черпая свое содержаніе изъ себя самой, она какъ бы создаетъ изъ себя новый міръ. Въ этомъ состоитъ величіе разумной природы человѣка. Но эта возвышенная способность, главное орудіе человѣческаго совершенствованія, имѣетъ свою оборотную сторону и неизбѣжно ведетъ къ заблужденіямъ. Оторванная отъ историческихъ корней, мысль легко уносится въ безпредѣльное пространство, теряя твердыя точки опоры. Она впадаетъ въ одностороннія направленія, противъ которыхъ возмущается жизнь. Стремясь по своему передѣлать дѣйствительность, она оказывается бессильною передъ этою дѣйствительностью. Высшій законъ, законъ необходимости, снова вводитъ блуждающую мысль въ должную колею и возстановляетъ порванную нить преемственнаго развитія. Мало того: въ общемъ ходѣ исторіи самыя отклоненія отъ историческаго пути составляютъ не болѣе, какъ отдѣльныя звенья въ общей цѣпи явленій, связанныхъ внутреннимъ закономъ. Близорукому наблюдателю они кажутся началомъ совершенно новаго порядка; истинный историкъ усматриваетъ въ нихъ живую нить, соеди-

нящую прошедшее съ будущимъ. Эти явленія служатъ переходомъ отъ низшаго строя жизни къ высшему, отъ недостаточнаго 'опредѣленія къ болѣе полному и широкому. Человѣческой мысли свойственно двигаться черезъ одностороннія начала, чтобы достигнуть полноты развитія. Она покидаетъ историческую почву, но для того только, чтобы снова къ ней возвратиться съ болѣе богатымъ содержаніемъ.

Раскрывая такимъ образомъ совокупность проявленій мысли въ преемственномъ ея ходѣ, исторія даетъ намъ ключъ къ различію истиннаго отъ ложнаго, существеннаго и прочнаго отъ случайнаго и преходящаго. Истинное въ исторіи не всегда то, что ново. Нерѣдко новое бываетъ выраженіемъ одностороннихъ взглядовъ и еще чаще повтореніемъ старой односторонности, всплывающей вновь на поверхность при извѣстномъ направленіи умовъ. Истинно то, что прочно, что лежитъ въ самой природѣ вещей, а потому проявляется всегда и вездѣ. Вѣчная истина—старая истина. Къ исторіи вполне прилагается изреченіе великаго германскаго поэта-философа: «старайся постигнуть старую правду».

Die Wahrheit war schon längst gefunden,
Hat edle Geisterschaft verbunden,
Das alte Wahre fass es an!

Поэтому историкъ долженъ относиться къ явленіямъ прошедшаго не съ отрицательной, а съ положительной стороны. Онъ долженъ отыскивать въ нихъ не то, что ложно, а то, что истинно. Когда мы изучаемъ предметы физической природы, мы смотримъ на нихъ, какъ на извѣстныя проявленія естественныхъ силъ и законовъ, которые въ низшихъ организаціяхъ выражаются положительнымъ образомъ, точно также какъ и въ высшихъ. Эту точку зрѣнія слѣдуетъ приложить и къ познанію умственнаго міра, не упуская изъ виду идеальнаго совершенства, какъ высшаго требованія духа, но стараясь постигнуть совокупность историческихъ явленій, какъ разнообразныя выраженія этого самаго духа. Только поверхностное пониманіе исторіи видитъ въ ней одни заблужденія человѣческаго ума; болѣе глубокое ея изученіе убѣждаетъ насъ, что въ ней раскрывается сама истина. То, что называется заблужденіемъ, обыкновенно ничто иное, какъ односторонняя или относительная истина. Воззрѣніе, которое слагается въ систему, которое приобретаетъ прочность и возводится на степень историческаго явленія, непременно имѣетъ весьма суще-

ственные основы. Ложь заключается въ немъ главнымъ образомъ въ отрицаніи другихъ началъ, въ томъ, что извѣстное, совершенно истинное опредѣленіе принимается за единственное или по крайней мѣрѣ за преобладающее. Отсюда невѣрные выводы, которые даютъ ложный отгѣнокъ всей системѣ. Но если историческія заблужденія ничто иное какъ одностороннія направленія мысли, составляющія необходимое условіе самаго ея развитія, то поборотъ подобное заблужденіе можно не простымъ отрицаніемъ, что было бы такою же односторонностью, а единственно признаніемъ существенныхъ его основъ и введеніемъ его въ общую связь историческихъ явленій, гдѣ оно займетъ подобающее ему мѣсто. Въ исторіи мысли каждая система представляетъ извѣстную сторону истины, которой полнота раскрывается въ совокупности всѣхъ воззрѣній, на сколько они успѣли проявиться въ дѣйствительности.

Но спрашивается: даетъ ли намъ исторія достаточно явленій для всесторонняго пониманія истины? Не находимся ли мы еще въ началѣ развитія? На этомъ возраженіи останавливаться нельзя. Нѣтъ сомнѣнія, что полное познаніе истины можетъ быть только вѣнцомъ всего развитія человѣчества. Но съ другой стороны было бы также ошибочно думать, что въ прошедшемъ истина находится только въ смутныхъ зачаткахъ, что будущее готовитъ человѣческому разуму, можетъ быть, новыя, невѣдомыя доселѣ откровенія. Если истинно то, что вѣчно, что лежитъ въ самомъ существѣ мысли, что проявляется, какъ необходимое требованіе, во всѣхъ ея отношеніяхъ къ вѣшнему міру, то будущее не дастъ намъ ничего существеннаго, что бы не было въ прошедшемъ. Оно можетъ принести большую полноту содержания, но оно не измѣнитъ самыхъ началъ, ибо начала, вытекающія изъ природы вещей, всегда одни и тѣже. Поэтому мы видимъ въ исторіи мысли постоянное повтореніе однихъ и тѣхъ же воззрѣній, которыя возвращаются въ силу необходимости, какъ скоро человѣческій умъ, стараясь изслѣдовать предметъ, переходитъ одну за другою всѣ разнообразныя его стороны.

Достоверность этого положенія вполне подтверждается исторією политическихъ ученій, которая представляетъ намъ не только лучшее руководство къ познанію основныхъ началъ государственной жизни, но вмѣстѣ и самый удобный путь къ уразумѣнію исторіи вообще.

Въ исторіи можно различить двѣ главныя области, въ которыхъ

вращается и дѣйствуетъ человѣческій разумъ: теоретическую и практическую. Познаніе теоретическаго развитія мысли въ ея чистотѣ даетъ намъ исторія философіи; высшая же сфера практической жизни есть государство. Исторія политическихъ ученій занимаетъ средину между обоими, между философскимъ ходомъ мысли и практическимъ развитіемъ государственныхъ учрежденій. Въ ней, какъ въ зеркалѣ, отражается то и другое. Съ одной стороны, она находится въ непосредственной связи съ исторіей философскихъ системъ, которыя заключаютъ въ себѣ и политическія теоріи; съ другой стороны, она идетъ параллельно съ движеніемъ жизни, то руководствуясь ея требованіями и почерпая изъ нея свои начала, то направляя ее своими идеями. Такимъ образомъ, здѣсь, на общей почвѣ, изображается не только преемственный ходъ мысли, но и самый ходъ жизни. Поэтому въ исторіи политическихъ ученій всего удобнѣе изслѣдовать историческое развитіе человѣчества и отыскать управляющіе имъ законы.

Съ перваго взгляда, возрѣнія на государственную жизнь представляются безконечно разнообразными. Здѣсь проявляются самыя противоположныя требованія и точки зрѣнія. На этой почвѣ скорѣе всего разыгрываются и страсти, ибо государство, обнимая подъ своимъ верховнымъ владычествомъ всю совокупность человѣческихъ интересовъ, слишкомъ близко касается всѣхъ. Идеалисты и реалисты, либералы и консерваторы, богатые и бѣдные, всѣ обращаются къ нему для исполненія своихъ желаній и надеждъ. Одни отправляются отъ существующаго, другіе хотятъ передѣлать по-своему весь общественный бытъ; одни видятъ въ личности источникъ и цѣль всего политическаго устройства, другіе смотрятъ на свободу, какъ на революціонное знамя, противъ котораго слѣдуетъ всѣми силами бороться. Каждый воздвигаетъ свою систему, стараясь оправдать свои требованія высшими началами общежитія. Внимательное изученіе политическихъ теорій убѣждаетъ насъ однако, что все это разнообразіе взглядовъ сводится къ нѣкоторымъ основнымъ группамъ, которыя постоянно повторяются въ исторіи, а изслѣдованіе самаго содержанія системъ показываетъ, что эти группы соответствуютъ основнымъ элементамъ государственной жизни. Нѣтъ и не можетъ быть сколько-нибудь серіозной теоріи, которая отправлялась бы отъ несуществующихъ данныхъ; это было бы чистымъ безуміемъ. Каждая